

НЕВЕЖЛИВАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ИНГЕРЕНТНО ВЕЖЛИВЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМАХ

А. В. Быстрых

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 31 августа 2017 г.

Аннотация: *статья оспаривает положение о существовании априори вежливых языковых форм, составляющих основу речевого этикета. На примере контекстных употреблений высказываний в форме расчлененного вопросительного предложения показывается, что данная традиционно квалифицируемая как вежливая языковая форма стереотипно используется для выражения открытого протеста, наделенного значительным ликопвреждающим потенциалом. Приводятся наблюдения за невежливым речевым поведением, которые могут лечь в основу создания методологии анализа невежливости как коммуникативной универсалии.*

Ключевые слова: *невежливость, вежливость, конвенционализация, расчлененное вопросительное предложение, ликопвреждение, методология анализа невежливости.*

Abstract: *the paper sets out to challenge the still prevailing assumption that some linguistic forms are inherently polite. Drawing on the contextual use of English tag questions it proves that despite being universally labeled as polite, tag questions can convey overtly impolite illocutions, e.g. an antagonistic protest against the addressee's inappropriate utterance. The obtained findings can lay the groundwork for the methodological framework of Impoliteness.*

Key words: *impoliteness, politeness, conventionalisation, tag question, face-damaging effect, methodology of impoliteness research.*

В современной лингвистической науке положение о том, что коммуникативный смысл языковых единиц не определяется их дефолтной семантикой, а порождается в дискурсивном употреблении, приобрело статус аксиомы. В связи с этим дискурсивно-ориентированные подходы к описанию живой речи предлагают избавиться от «ненужного багажа» в виде системно обусловленных (pre-defined) значений языковых единиц (бритва Оккама) и всецело сфокусироваться на их контекстно-мотивированном содержании (situated and emergent meaning). При этом роль истинного интерпретатора порождаемых смыслов предлагается передать не лингвисту-аналитику, а непосредственным участникам общения в виду динамического и реляционного характера содержания их интеракции. В свете такой парадигмы лингвистических исследований мягко сказать неоправданной представляется, к сожалению, сохраняющаяся практика квалифицировать отдельные языковые единицы как априори вежливые или невежливые.

В значительной степени такой порочный, как мы покажем далее, подход к описанию (не)вежливости как коммуникативной универсалии, связан с наивно-бытовым трактованием вежливости как формы

проявления уважения человека к другому через соблюдение внешне установленных и жестко насаждаемых стереотипных правил поведения в обществе в виде (речевого) этикета [1, с. 72–73]. (Не)соблюдение данного кодекса нормативных правил поведения лежит в основе этической оценки членами социума конкретного индивида как (не)вежливого, при этом в значительной мере оценивание его речевого поведения исходит из употребления или неупотребления им определенного репертуара «волшебных слов» (например, *спасибо, извините* и т. д.), магическая сила которых приравнивается к тактильным поглаживаниям, являющимся необходимой потребностью человека как биологического вида [1, с. 76]. При таком обывательском взгляде на вежливость в основе речевого этикета лежит ограниченный, хотя и обширный, список ингерентно вежливых языковых средств, оперирование которыми приравнивается к «словесным поглаживаниям» в ритуализированных типах интеракции (приветствие, прощание и т. д.). Сразу отметим, что возможное и часто встречающееся прагматическое переосмысление данных «априори вежливых» языковых средств (например, классическое саркастическое *thank you*, либо употребление *thank you* в ситуации, требующей эмфатической благодарности, что, скорее всего, будет расценено адресатом как *недостаточная вежливость* (*under-*

*politeness*¹), граничащая с невежливостью) в руководствах по речевому этикету никогда не рассматривается, также как и не описываются формы (не) вежливого коммуникативного поведения в слабо ритуализированных или неритуализированных ситуациях межличностного общения, составляющих львиную долю бытовых и институциональных интеракций. Достаточно проблематичным с точки зрения речевого этикета представляется и адекватная интерпретация коммуникативного поведения близко знакомых интерактантов, вырабатывающих особый дискурсивный стиль общения, идущий вразрез с навязываемыми обществом правилами такта (ср., например, типичную форму прощания, не оцениваемую адресатом как грубую: *Bye, bitch*).

Не последнюю роль в определении конкретных языковых единиц в качестве актуализаторов (не) вежливости сыграли и ранние прагматические теории вежливости [4–6], рассматривающие вежливость как *коммуникативную стратегию говорящего*, направленную на избежание дисгармонии и антагонизма во взаимодействии со слушающим, и заключающуюся в рациональном выборе оптимальных языковых средств, априори ориентированных на уменьшение (митигацию) ликоугрожающего эффекта от осуществляемых речевых действий. Такая перспектива, накладываемая на речевое взаимодействие, в значительной мере отталкивается от описания коммуникативного поведения некоего *совокупного и усредненного интерактанта (model person)*, действующего в рамках ограниченного выбора коммуникативных средств и контекстных условий (сводимых к трем основным параметрам: социально-психологическая дистанция (*distance*), социальная власть (*power*) и степень вмешательства (*rank of imposition*)). Данные социопрагматические параметры интроспективно определяются лингвистом-исследователем с целью теоретического обобщения и моделирования вежливости как универсального *социолингвистического факта*, а отнюдь не как *дискурсивного феномена*, являющегося неотъемлемой частью любой коммуникации. Более того, при описании типового коммуниканта и типовых ситуаций любые отклонения от заданного (исследователями) вектора вежливого поведения в классических прагматических теориях часто рассматриваются как абсолютное нарушение Принципа Кооперации (в отличие от квазинарушений, порождающих конверсациональные имплицатуры),

¹ Сравните с вводимым М. Хоу термином *ожидаемая (anticipated) вежливость* [2, с. 400] и феноменом, называемым Р. Уотсом *благоразумное поведение (politic behavior)* [3, с. 32], который понимается исследователем как дискурсивная практика, расцениваемая обоими коммуникантами как нормальная, немаркированная в отношении их норм ожидания.

свидетельствующее о нежелании говорящего поддерживать коммуникацию.

Принимая во внимание вышесказанное, в настоящей статье на примере анализа контекстных реализаций английского расчлененного вопросительного предложения (РВП) (*It's not the end of the world, is it?*) мы покажем несостоятельность все еще бытующей в научной и научно-методической литературе практики квалифицировать деконтекстуализированные языковые средства как ингерентно вежливые, опишем отдельные дискурсивные механизмы порождения невежливости и приведем краткие наблюдения за реализацией невежливого речевого поведения, которые могут лечь в основу универсальной *методологии описания невежливости*, разработка которой, по справедливому замечанию Д. Бусфилда, все еще находится в «стадии младенчества» [7, с. 101].

Не вдаваясь в детали коммуникативного диапазона высказываний в форме РВП (см. подробнее [8]), отметим, что в связи с наличием в их синтаксической структуре присоединенной вопросительной части, они традиционно интерпретируются как актуализатор лингвистической вежливости ([4; 9; 10] и др.), поскольку их синтаксическая неоднородность рассматривается как формальный пререквизит реализации двух основных стратегий вежливого поведения по [4]:

– *стратегия позитивной вежливости*: высказывания в форме РВП за счет наличия аппеллятивной части ориентированы на передачу коммуникативного хода собеседнику и включение его в дискурс, что отражает коммуникативные и социальные потребности позитивного социального лица адресата и укрепляет у него ощущение товарищества и солидарности с собеседником;

– *стратегия негативной вежливости*: присоединенная вопросительная часть высказываний в форме РВП снижает категоричность суждения (в том числе оценочного) в главной части предложения и тем самым удовлетворяет потребности негативного социального лица адресата в свободе от разрушительного воздействия извне в виде навязываемого мнения (сравните максимум сдержанного мнения (*opinion reticence maxim*) Дж. Лича, призывающую говорящего снижать приоритетность высказываемого мнения на фоне мнения собеседника [11, с. 91]).

Заметим, что наиболее выпукло такая точка зрения на ингерентно закодированную вежливость в содержании высказываний в форме РВП формулируется в прескриптивных грамматиках, зачастую формирующих у изучающих английский язык однобокое и искаженное представление о реальном дискурсивном потенциале данных высказываний. Вместе с тем развенчание мифа о присущей высказываниям в форме РВП вежливости было предпринято в работе Дж. Алджео в 1990 г. [12]. Исследователь указывает

несколько контекстов употребления демонстративно невежливых высказываний в форме РВП, не сопровождая при этом зафиксированные данные полновесным лингвистическим анализом. С тех пор, по имеющимся у нас сведениям, в лингвистической литературе так и не было представлено сколько-либо серьезного осмысления данного парадокса с позиции набирающей научный вес *теории невежливости* [7; 11; 13]. Так, в последней известной нам фундаментальной работе 2014 г. [14], посвященной анализу диапазона коммуникативных смыслов, передаваемых высказываниями в форме РВП, и консолидирующей взгляды всех ведущих исследователей данной языковой формы за последние десятилетия, фиксируется лишь возможность употребления РВП в контексте возражения (contradiction) без соотнесения данных речупотреблений с ключевыми параметрами дискурсивного контекста, обуславливающими откровенно невежливое использование данной «вежливой» языковой формы.

К таким случаям употребления высказываний в форме РВП относятся следующие стереотипные контексты из нашего корпуса:

[Подвыпивший мужчина (А) навязывает свою компанию женщине – владелице паба (В)]

A: *More alcohol?*

B: *You're joking!*

A: *I fancy an absinthe myself. You ever tried absinthe?*

B: ***I run a pub, don't I? And I don't much like it!*** /Eastenders, TV series/

[Коллеги (А) и (В) работают администраторами. (В) предварительно договорилась с (А), что та не будет отлучаться от стола в ее отсутствие]

A: *Oh, my God. What took you so long? I have to pee!*

B: *What? You haven't peed since I left?*

A: *No, I haven't. **I've been running the desk, haven't I? I'm bursting.*** /The Devil Wears Prada, film/

[Отец (А), зная, что сын (В) вчера ходил выпить с друзьями, и видя, что у него недомогание, обращается к нему с вопросом]

A: *What is it with you today?*

B: ***I went out last night, didn't I?*** /Eastenders, TV series/

[(А) пытается помочь своему коллеге (В) найти его машину, которую тот не видит на обычном парковочном месте]

A: *Where the fuck is it?*

B: *I don't know.*

A: *Maybe you took it to the pub last night.*

B: ***I'd remember if I took it to the pub, wouldn't I?*** /Teachers, TV series/

Даже беглый взгляд на высказывания в форме РВП в данных контекстах убеждает, что они значи-

тельно отходят от своего «вежливого прототипа», поскольку говорящий сознательно использует их для того, чтобы своими действиями добиться *ликоповреждающего (face-damaging)* эффекта в отношении адресата, что не может не придать его репликам невежливую тональность. Как уже отмечалось, проблема *идентификации невежливого коммуникативного поведения* является сегодня одной из наиболее сложных и наименее решенных в дискурсивно-ориентированных исследованиях. Не имея возможности детально осветить широкую палитру точек зрения по этому вопросу в рамках настоящей статьи, укажем, тем не менее, что на настоящем этапе разработки методологии исследования невежливости как коммуникативной универсалии высказываемые взгляды варьируют от полярных (невежливость в первую очередь связывается со стратегической интенцией говорящего [11]; невежливость – сугубо личная и ситуативно обусловленная оценка поведения говорящего слушающим [13]) до компромиссных (невежливость порождается в результате взаимодействия ликоугрожающих интенций говорящего и негативной интерпретации этих интенций слушающим [7]; невежливость – дискурсивно привязанная оценка обоих коммуникантов поведения одного из них как не отвечающего сложившейся и институционально закреплённой модели поведения в конкретной социальной ситуации [3]). Не отдавая на данном этапе предпочтения ни одной из конкурирующих методологий идентификации невежливого поведения, заметим, что во всех приведенных контекстах иллокутивная сила высказываний в форме РВП сопряжена с очевидным ликоповреждением в отношении собеседника, а эмоциональная реакция адресата, отслеживаемая нами при просмотре соответствующих эпизодов общения, явно свидетельствует о нарушении коммуникативной гармонии между интерактантами и принятии адресатом «выпада» говорящего на свой счет.

В связи с вышесказанным, оставим вопрос идентификации невежливого коммуникативного поведения за рамками настоящей статьи и сконцентрируем наше внимание на не менее сложной и интересной проблеме – механизме порождения невежливости при употреблении данной «вежливой» языковой формы и ассоциируемом с ней типе невежливого поведения.

Все представленные контексты употребления высказываний в форме РВП отличаются прагматической однотипностью в том смысле, что все эти высказывания передают коммуникативный смысл, являющийся своеобразным дискурсивным аналогом морфологически выражаемой категории *миративности* – модальной категории, традиционно выделяемой в типологических исследованиях для фиксации противоречия некоторого положения дел ожиданиям говорящего [15]. А. Айхенвальд считает, что поня-

тийным центром миративности является «неготовность» (курсив наш. – А. Б.) сознания говорящего (к некой воспринимаемой ситуации. – А. Б.), неожиданная новая информация и сопутствующее ей удивление [16, с. 209]. Иными словами, прототипическая миративность маркирует *контр-ожидания* говорящего субъекта, соотносящего предыдущий когнитивный опыт с актуальным знанием. В нашем случае «*дискурсивная миративность*»², выражаемая не морфологически, а прагматикализованной синтаксической формой, передает неготовность говорящего к когнитивной обработке предыдущего речевого хода адресата в связи с его коммуникативной неуместностью, что не может не вызвать его удивление. В самом деле, в примере (1) говорящий – владелец паба передает свое удивление неуместным вопросом посетителя относительно его опыта употребления спиртных напитков, а в примере (2) говорящий возмущен неуместным комментарием коллеги, учитывая, что между ними была договоренность, что первый не покинет свое рабочее место для «прикрытия» отлучившегося коллеги.

Интересен механизм манифестации неготовности говорящего к когнитивной обработке коммуникативного хода собеседника. В рамках пропозиционального суждения, заключенного в главной части высказывания в форме РВП, происходит экспликация нарушенной собеседником (иначе говоря, ложной) *прагматической пресуппозиции*. Прагматическая пресуппозиция, представляющая собой «предпосылку суждения» [17, с. 84] и «условие эффективности РА» [17, с. 88], является презумпцией говорящего о знаниях слушающего (в том числе презумпцией о знаниях слушающего относительно собственных знаний говорящего) [18]. Иными словами, прагматическая пресуппозиция является мотивирующей основой сближения объемов когнитивных фондов участников общения и формирования *общего (разделяемого) знания* (А знает, что А и В обоюдно знают, что р) как необходимого контекстного пререквизита любой коммуникации (подробнее о конвенционально закрепленной в англоязычных лингвокультурах практике кодировать общее знание в форме РВП см. в [8]).

Проиллюстрируем нарушение прагматической пресуппозиции на материале представленных контекстов. В контексте (4) говорящий А, имея долгий

² Термин «дискурсивная миративность» используется нами в кавычках в связи с тем, что он значительно отходит от классического определения миративности в силу того, что он соотносит не пропозициональные структуры, объективируемые предложениями с особым образом маркированным глаголом, а коммуникативные ходы. Тем не менее аналогия между контр-ожиданиями говорящего в отношении информации, полученной непосредственно перед моментом речи, и в отношении предшествующего коммуникативного хода собеседника вполне ясна.

опыт общения с другом-водителем В, знает, что 1) В всегда помнит место парковки своей машины, и что 2) В знает, что А знает, что В всегда помнит место парковки своей машины. Данные кванты знания составляют прагматическую пресуппозицию говорящего в представленной ситуации общения о местоположении машины собеседника. Высказывая предположение о том, что машина припаркована у паба (*Maybe you took it to the pub last night*), говорящий (А) нарушает указанную прагматическую пресуппозицию, составляющую общий фонд знаний собеседников. В контексте (3) подобным же образом нарушается прагматическая пресуппозиция, фиксирующая осведомленность обоих коммуникантов о том, что сын выпивал прошлой ночью в пабе. Вопрос *What is it with you today?*, обращенный к сыну, сводит на нет указанную презумпцию.

Е. В. Падучева отмечает, что «у слушающего ложность прагматической пресуппозиции создает впечатление *неуместности* высказывания, а для говорящего высказывание с несоблюдением содержащейся в нем презумпции означает *ненормативное, неискреннее, провокационное поведение*» (курсив наш. – А. Б.) [18, с. 57]. В самом деле во всех указанных контекстах высказывания в форме РВП представляют собой реплику-реакцию на коммуникативный ход, противоречащий ожиданиям говорящего в силу его коммуникативной неуместности. Другими словами, мы имеем дело с *незавуалированным протестом* против провокационного поведения собеседника, причем маркированный способ экспликации ложной пресуппозиции в форме РВП (в отличие от немаркированной повествовательной конструкции) позволяет характеризовать данный коммуникативный ход как демонстративно невежливый в силу маркированного указания на отсутствие у собеседника элементарного здравого смысла и неспособность выстраивать дискурс в опоре на имеющиеся у него контекстные знания³.

Однотипность приведенных дискурсивных контекстов реализации «протестных» высказываний в форме РВП, стабильность их лексико-грамматического оформления (доминирование конструкций с грамматическим субъектом в форме 1-го лица) и минимальные когнитивные усилия, предпринимаемые адресатом для интерпретации передаваемого содержания (в соответствии с теорией релевантности [20]), не оставляют сомнений в том, что мы имеем

³ Заметим, что высказывания, опирающиеся на ложные и несоблюдаемые пресуппозиции (выделенные подчеркиванием высказывания-стимулы в наших контекстах), также открыты для интерпретации в качестве образцов невежливого поведения, что подтверждает отмеченную Дж. Кулпепером дискурсивную практику «*контр-невежливости*» (*tit-for-tat pairings*) [19, с. 436].

дело с достаточно сильно конвенционализированной языковой формой, прагматическая идиоматизация которой проходила в направлении нейтрализации системной семантики (сводящейся к передаче эпистемической модальности) и актуализации сугубо прагматической функции, направленной исключительно на ликоповреждение. Сказанное означает, что подобно конвенционализированным формам вежливости [21], высказывания, передающие невежливость, также обнаруживают способность ассоциироваться с дискурсивном контекстом и воспроизводиться в нем в роли стабильных («замороженных») и не требующих дополнительных инференциальных усилий адресата маркеров невежливого поведения. При такой точке зрения на невежливость представляется очень перспективной работа по дальнейшему теоретическому осмыслению данной динамичной, но тем не менее системно проявляющей себя коммуникативной универсалии и унифицированному описанию невежливых дискурсивных практик, являющихся такой же неотъемлемой частью межличностного общения, как и вежливость.

В заключение тезисно приведем еще ряд соображений, вытекающих из приведенного анализа и, по нашему мнению, необходимых для создания универсальной методологии описания невежливого речевого поведения:

– невозможно говорить о существовании *ингерентно (не)вежливых* языковых форм в связи с тем, что формы, маркирующие (не)вежливость, активно подвергаются реконтекстуализации и прагматикализации;

– идентификация (не)вежливости возможна только при анализе расширенного дискурсивного контекста и учете максимального количества релевантных *контекстных параметров*, что делает проблематичным привлечение данных классических лингвистических корпусов;

– невежливость не сводится к *аффективному* поведению говорящего, лишённого *рациональной* основы;

– невежливость (в силу ее стереотипного противопоставления вежливому, т. е. коммуникативно уместному, поведению) не является *неуместной (или девиантной)* формой речевого общения и не противоречит Принципу Кооперации (в его классическом понимании – настрой коммуникантов на обмен релевантной информацией);

– интерпретация конкретного речевого поведения как невежливого должна оставаться непосредственно за *интерактантами* (в первую очередь *адресатом*), а не за лингвистом-аналитиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формановская Н. И.* Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – 2-е изд. – М. : ИКАР, 2005. – 250 с.
2. *Haugh M.* Anticipated versus inferred politeness / M. Haugh // *Multilingua*. – 2003. – V. 22 (4). – P. 397–413.
3. *Watts R. J.* Politeness / R. J. Watts. – N. Y. : Cambridge University Press, 2003. – 306 p.
4. *Brown P.* Universals in language usage : Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // *Questions and politeness : Strategies in social interaction*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. – P. 56–311.
5. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – N. Y. : Longman, 1983. – 250 p.
6. *Lakoff R. T.* The logic of politeness; or, minding your p's and q's / R. T. Lakoff // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. – 1973. – P. 292–305.
7. *Bousfield D.* Researching impoliteness and rudeness : Issues and definitions / D. Bousfield // *Interpersonal pragmatics*. – Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010. – P. 101–134.
8. *Цурикова Л. В.* Вопрос и вопросительные структуры : форма, содержание, функции / Л. В. Цурикова, А. В. Быстрых. — Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2012. – 292 с.
9. *Holmes J.* Women, Men and Politeness / J. Holmes. – London : Longman, 1995. – 254 p.
10. *Lakoff R. T.* Language and Woman's Place / R. T. Lakoff. – N. Y. : Harper and Row, 1975. – 83 p.
11. *Leech G.* The pragmatics of politeness / G. Leech. – N. Y. : Oxford University Press, 2014. – 350 p.
12. *Algeo J.* It's a myth, isn't it? Politeness and the English tag question / J. Algeo // *The State of the Language*. – Berkeley : University of California Press, 1990. – P. 443–450.
13. *Culpeper J.* Politeness and Impoliteness / J. Culpeper // *Handbook of pragmatics*. – 2011. – Vol. 5. – P. 391–436.
14. *Kimps D.* A speech function analysis of British English tag questions in spontaneous dialogue / D. Kimps, K. Davidse, B. Cornillie // *Journal of Pragmatics*. – 2014. – Vol. 66. – P. 64–85.
15. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2011. – 672 с.
16. *Aikhenvald A. Y.* Evidentiality / A. Y. Aikhenvald. – N. Y. : Oxford University Press, 2004. – 452 p.
17. *Арутюнова Н. Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // *Известия АН СССР. Сер. лит. и языка*. – 1973. – Т. 32, № 1. – С. 84–89.
18. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.

19. *Culpeper J.* Impoliteness strategies / J. Culpeper // Interdisciplinary studies in pragmatics, culture and society. – Cham : Springer International Publishing. – P. 421–445.

20. *Sperber D.* Relevance : Communication and Cognition / D. Sperber and D. Wilson. – 2nd edition. – Oxford : Blackwell, 1995. – 326 p.

*Воронежский государственный университет
Быстрых А. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
E-mail: andy0210@yandex.ru
Тел.: 8-960-121-06-69*

21. *Terkourafi M.* Beyond the micro-level in politeness research / M. Terkourafi // Journal of Politeness Research : Language, Behaviour, Culture. – Vol. 1 (2). – 1995. – P. 237–262.

*Voronezh State University
Bystrykh A. V., Candidate of Philology, Associate
Professor of the English Philology Department
E-mail: andy0210@yandex.ru
Tel.: 8-960-121-06-69*